

Говард Филлипс Лавкрафт

Соня Грин

Ужасный случай в Мартинз-бич

(The Horror at Martin's Beach)

Я еще ни разу не слышал ни одного хотя бы мало-мальски убедительного объяснения жуткого случая, произошедшего в Мартинз-Бич. Среди рассказов многочисленных очевидцев не найдется двух одинаковых, а свидетельские показания, собранные представителями местной власти, содержат в высшей степени удивительные расхождения.

Впрочем, такое положение вещей кажется вполне естественным, если учесть неслыханный характер самого происшествия, не вполне вменяемое на тот момент состояние парализованных ужасом очевидцев и немалые усилия, приложенные администрацией фешенебельной гостиницы «Гребень волны» к тому, чтобы замять дело, получившее широкоую огласку после статьи профессора Алтона «Только ли человек обладает гипнотическими способностями?».

Несмотря на все перечисленные препятствия, я попробую изложить здесь вразумительную версию произошедшего, ибо самолично присутствовал при страшном событии и считаю, что людям следует знать о подобных фактах, наводящих на крайне неприятные предположения. В наши дни морской курорт Мартинз-Бич снова пользуется популярностью, но я содрогаюсь при одной мысли о нем. Собственно говоря, теперь я вообще не могу смотреть на океан без содрогания.

Порой судьба выстраивает сюжеты в полном соответствии с канонами драматургии, и на сей раз кульминационному моменту — кошмарному событию, имевшему место 8 августа 1922 года, — предшествовал период легкого ажиотажа, ненадолго воцарившегося в Мартинз-Бич. 17 мая команда глостерского рыболовного смэка «Альма» под началом капитана Джеймса П. Орна после сорокачасовой борьбы убила морского монстра, чьи размеры и внешний облик произвели настоящий фурор в научных кругах и побудили бостонских натуралистов принять все меры к увековечению диковинного трофея в виде таксидермического изделия.

Туловище означенного существа имело форму, близкую к цилиндрической, при длине около пятидесяти футов и десяти футах в поперечнике. По основным признакам, в том числе наличию жабр, оно явно относилось к классу рыб, но при этом обладало странными отличительными особенностями — рудиментарными передними лапами и шестипалыми конечностями на месте грудных плавников, которые наводили на самые дикие предположения. Невероятно широкая пасть, толстая чешуйчатая кожа и единственный глубоко посаженный глаз поражали воображение не меньше, чем

колоссальные размеры морского чудовища, а когда ученые объявили, что оно является новорожденной особью не более нескольких дней от рода, общественный интерес возрос до степени чрезвычайной.

Капитан Орн, проявив типично американскую предприимчивость, нанял судно покрупнее, способное свободно вместить огромное чучело, и организовал показ своего трофея за деньги. Усилиями искусных плотников судно превратилось в превосходный морской музей и, взяв курс на юг, к богатому курортному району Мартинз-Бич, в скором времени пришвартовалось у гостиничного причала, где публика была готова хорошо платить за доступ к экспонату.

Благодаря своему воистину впечатляющему виду, а также острому интересу, проявленному многочисленными учеными мужами из ближних и дальних краев, диковинное существо стало гвоздем сезона. Все ясно понимали: оно абсолютно уникально — уникально до такой степени, что способно произвести настоящий переворот в науке. Натуралисты убедительно доказали, что оно принципиально отличается от рыбы равно огромных размеров, пойманной у побережья Флориды: являясь обитателем почти немислимых глубин (чуть ли не в десятки тысяч футов), данное существо обладает мозгом и внутренними органами, свидетельствующими о поразительно высоком уровне эволюционного развития, до которого очень и очень далеко любому известному современной науке представителю класса рыб.

Утром 20 июля ажиотаж общественности усилился в связи с исчезновением судна со странным сокровищем. Во время ночного шторма оно сорвалось со швартовых и бесследно сгнуло в открытом море, вместе со сторожем, оставшимся ночевать на борту, несмотря на грозные признаки близкого ненастья. Капитан Орн, при финансовой поддержке научных кругов и содействии многочисленных рыболовных судов из Глостера, предпринял широкомасштабную поисковую операцию, единственным результатом которой стала новая волна интереса и разнотолков. К седьмому августа надежда окончательно угасла, и капитан Орн вернулся в гостиницу «Гребень волны», чтобы завершить свои дела в Мартинз-Бич и переговорить с несколькими учеными мужами, еще остававшимися там. Трагедия разыгралась 8 августа.

Все случилось в сумерках, когда серые морские птицы кружили низко у самого берега и восходящая луна уже начала прокладывать свою сверкающую дорожку на подернутой рябью водной глади. Эту картину важно держать перед мысленным взором, чтобы получить полное впечатление о жутком происшествии. На пляже находились несколько гуляющих да поздних купальщиков, которые задержались с возвращением в непритязательный коттеджный поселок, приютившийся на склоне отдаленного зеленого холма к северу, или в расположенную на ближайшей скале гостиницу, чьи величественные башни свидетельствовали о преданном служении богатству и роскоши.

В пределах хорошей видимости от берега находилась еще одна группа очевидцев — постояльцы «Гребня волны», которые сидели на освещенной фонарями просторной веранде, наслаждаясь танцевальной музыкой, доносившейся из шикарного бального зала. Эти очевидцы — включая капитана Орна с группой ученых мужей — присоединились к людям на пляже, прежде чем события приняли трагический оборот; своевременно подоспели к месту происшествия и многие другие обитатели гостиницы.

Словом, в свидетелях недостатка не было, пусть впоследствии они — полные страха и сомнений в реальности увиденного — давали весьма путанные, противоречивые показания.

Точное время, когда все началось, не установлено, но почти все говорят, что полная луна стояла «примерно в футе» над окутанной туманной дымкой горизонтом. Очевидцы упоминают о луне, поскольку усматривают некую неуловимую связь между ней и предварившим трагедию загадочным явлением — тихой зловещей зыбью, которая целенаправленно прокатилась по мерцающей лунной дорожке от далекого горизонта и улеглась, не достигнув берега.

Многие не обратили на зыбь особого внимания и вспомнили о ней лишь в ходе дальнейших событий — а между тем она резко отличалась по высоте и скорости движения от обычных мелких волн вокруг. Иные впоследствии передавали свое впечатление о ней словами *коварная* и *злонамеренная*. И вот, когда странная зыбь стихла у черных рифов в отдалении от берега, из недр сверкающего под луной океана исторгся душераздирающий крик — исполненный муки и отчаяния вопль, вызывавший невольное сострадание.

Первыми отреагировали два дежурных спасателя — крепкие парни в белых купальных костюмах с броской красной надписью на груди, обозначавшей род их занятий. Давно привыкшие к воплям утопающих, они на сей раз не услышали ничего знакомого в потусторонних завываниях, однако, верные чувству долга, стали действовать обычным порядком, не мешкая ни минуты.

Поспешно схватив надувной круг с привязанной к нему бухтой прочной веревки, один из парней быстро подбежал к месту, где начинала собираться толпа, и швырнул спасательное средство далеко в море — в направлении, откуда донесся крик, — предварительно раскрутив над головой для придания большего ускорения. Круг скрылся в волнах, и зрители с любопытством уставились на подернутую крупной рябью воду, готовые вот-вот увидеть горемыку, обезумевшего от страха и отчаяния, и стать свидетелями счастливого спасения.

Но вскоре стало ясно, что справиться с делом легко и быстро не получится, ибо двое здоровенных малых никакими усилиями не могли сдвинуть с места тяжелое тело на другом конце веревки. Напротив, они вдруг почувствовали, что оно с равной или даже большей силой тянет веревку в противоположном направлении, и уже через несколько секунд осели на песок и начали медленно съезжать в воду, влекомые неведомым существом, хватившимся за спасательный круг.

Один из парней, опомнившись наконец от изумления, немедленно воззвал о помощи к толпе наблюдателей и бросил на берег оставшиеся кольца веревки. В следующий миг спасатели получили поддержку в лице самых крепких мужчин во главе с капитаном Орном. Теперь уже дюжина мускулистых рук отчаянно тянула за толстую веревку, но по-прежнему без малейшего успеха.

Как ни старались, как ни тужились мужчины, незримый соперник явно брал над ними верх, а поскольку обе стороны ни на секунду не ослабляли своих усилий, веревка туго

натянулась, обратившись в подобие стального стержня. К данному моменту как непосредственные участники событий, так и зрители изнемогали от любопытства, гадая о природе странной силы, сокрытой под водой. Давно отвергнув предположение о тонушем человеке, все наперебой строили разные догадки, упоминая о китах, подводных лодках, морских чудовищах и демонах. И если поначалу спасателями двигали исключительно гуманистические соображения, то теперь в них возобладало любопытство, и они продолжали со всей мочи тянуть веревку, исполненные мрачной решимости разгадать тайну.

Когда наконец все сошлись во мнении, что надувной круг, скорее всего, проглочен китом, капитан Орн, как прирожденный лидер, прокричал людям на берегу распоряжение раздобыть лодку, чтобы подплыть к невидимому левиафану, загарпунить и вытащить на сушу. Несколько мужчин тотчас же вызвались отправиться на поиски подходящего судна, а другие приблизились к кромке воды с намерением заменить капитана у веревки, поскольку по логике вещей именно ему надлежало возглавить любую команду добровольцев, набранную на лодку. Сам капитан оценивал ситуацию неоднозначно, отнюдь не ограничиваясь единственно предположением о ките, ибо совсем недавно имел дело с гораздо более диковинным чудовищем. Он задавался вопросом о возможных реакциях и поведении взрослой особи такого представителя фауны, чей новорожденный детеныш достигает пятидесяти футов в длину.

В следующую минуту нежданно-негаданно обнаружилось кошмарное обстоятельство, которое превратило разыгрывавшуюся на берегу сцену из занимательной в поистине ужасную и заставило оцепенеть от страха как непосредственных участников событий, так и наблюдателей. Капитан Орн, собравшись отойти прочь, внезапно почувствовал, что не в состоянии разжать пальцы и отпустить веревку. Увидев такое дело, каждый из мужчин, в свою очередь, попробовал отнять руки от веревки и понял, что находится в аналогичном положении. Представлялось совершенно очевидным: некая неодолимая таинственная сила намертво приковала всех их к пеньковому тросу и медленно, неумолимо увлекала в море.

Воцарилась жуткая тишина; объятые смятением зрители окаменели от ужаса и недвижно стояли на месте, не в состоянии пошевелиться. О крайней степени деморализации очевидцев свидетельствуют противоречивые показания, впоследствии ими данные, и жалкие доводы, которые они приводили в оправдание своего бездействия, лишь с виду равнодушного. Я знаю, о чем говорю, ибо был одним из них.

Даже прикованные к веревке мужчины, испустив несколько истошных воплей и страдальческих стонов, впали в подобие гипнотического транса и хранили гробовое молчание, покорные воле неведомых сил. Они стояли в бледном лунном свете, машинально продолжая состязаться в перетягивании каната с неким призрачным воплощением рока, мерно раскачиваясь взад-вперед в прибывающей воде, что сначала достигла колен, а вскоре поднялась уже до бедер. Луна частично скрылась за облаком, и в полумраке шевелящаяся вереница людей стала похожа на жуткую гигантскую многоножку, что судорожно извивается в цепких лапах страшной ползучей смерти.

Все туже и туже натягивалась веревка по мере того, как возрастали усилия противоборствующих сторон, и все сильнее разбухали пеньковые пряди, намокая в

волнах прилива. Песчаный пляж, где совсем недавно резвились дети и шептались влюбленные парочки, теперь медленно, но неумолимо поглощало наступающее море. Толпа охваченных паникой наблюдателей машинально попятилась назад, когда прилив подобрался к самым ногам, а вереница мужчин, стоявших уже по пояс в воде, продолжала монотонно раскачиваться взад-вперед — теперь на значительном расстоянии от зрителей.

Очевидцы, сгрудившиеся на берегу вне досягаемости приливных волн, оцепенело смотрели на несчастных, не произнося ни слова и никак не пытаясь помочь. В воздухе витала атмосфера дикого страха перед чудовищным злом, какого еще не ведал мир.

Минуты, казалось, уже складывались в часы, а змееподобная вереница раскачивающихся торсов по-прежнему виднелась над быстро прибывающей водой, и на медленных, ритмичных ее колебаниях лежала печать обреченности. Теперь на восходящую луну набежали плотные грозовые облака, и сверкающая дорожка на волнах померкла.

Цепочка мерно ходящих вперед-назад голов стала едва различимой, и изредка пепельно-серое лицо какого-нибудь обернувшегося страдальца смутно проступало бледным пятном во мраке. Все быстрее и быстрее сгущались тучи, и наконец из черных, грозных их чрев выстрелили вниз острые языки зловещего пламени. Загрохотал гром, сначала глухо, но потом все сильнее, все яростнее, и вскоре от него уже закладывало уши. Затем грянул самый страшный раскат грома, от которого сотряслась земля и взволновался океан, и секунду спустя на погруженный во тьму мир обрушился неистовый ливень такой мощи, что казалось, самые небеса разверзлись и исторгли из недр своих бурный поток, призванный свершить возмездие.

Повинуясь исключительно инстинкту самосохранения, ничего не соображающие от страха зрители поднялись по вырубленным в скале ступеням на веранду отеля. Слухи о кошмарном происшествии уже распространились среди постояльцев, и все они пребывали почти в таком же ужасе, как и вернувшиеся с берега люди. Кажется, кто-то испуганно пролепетал несколько слов, но утверждать не берусь.

Иные постояльцы, объятые паникой, удалились в свои номера, а другие остались на веранде и продолжали следить за обреченными жертвами, чьи головы еще виднелись над волнами при вспышках молний. Помнится, я неотрывно смотрел на эти головы и все представлял себе вылезавшие из орбит глаза несчастных — глаза, в которых наверняка отражались весь страх, ужас и безумие, властвующие в жестоком мире, вся скорбь, греховность и страдание, рухнувшие надежды и несбывшиеся мечты, вся ненависть и боль тысячелетий, минувших с начала времен; горящие глаза, исполненные безмерной муки ада, где пылает вечный огонь возмездия.

А когда я перевел взгляд чуть дальше, мне померещился в темноте еще один глаз — единственный глаз, тоже горящий, но лютой злобой, столь противной человеческой природе, что я усилием воли прогнал видение прочь. Зажатая в тисках неведомого, неодолимого зла, вереница несчастных медленно погружалась в воду, и о чем взывали они в своих безмолвных воплях и немых мольбах, знают лишь демоны черных волн и ночного ветра.

В следующую минуту разъяренное небо взорвалось диким, дьявольским грохотом, с которым предыдущий громовой раскат не шел ни в какое сравнение. Ослепительно полыхнула молния, небесная твердь содрогнулась, изрыгая адские богохульства, и душераздирающие агонические вопли всех обреченных слились с апокалипсическим ревом, сотрясшим самые недра планеты. Но на этом гроза закончилась: ливень разом прекратился, и луна вновь озарила бледными лучами поразительно быстро притихшее море.

Цепочка голов, подобных пляшущим на волнах поплавам, бесследно исчезла. Передо мной простиралась пустынная морская гладь, спокойствие которой нарушалось лишь легкой рябью, расходящейся кругами на лунной дорожке поодаль от берега, в том самом месте, откуда донесся загадочный жуткий вой, ознаменовавший начало трагедии. Но когда я — с обостренными до предела чувствами и болезненно взбудораженным воображением — вглядывался в сотканную из лунного блеска призрачную тропу, слуха моего коснулись слабые отзвуки зловещего смеха, донесшиеся из бездонной океанской пучины.

Перевод: Мария Куренная

2010 год